

Советское государство и общество: к вопросу эволюции оппозиции в 1960–1970-е годы

Лушин А. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; lushin-ai@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются социально-экономические и духовно-нравственные особенности взаимоотношения российского государства и общества на различных этапах отечественной истории, показаны их специфика в так называемый советский период. Автором сделана попытка рассмотреть эти отношения с учетом специфики социально-экономического и политического развития государства и менталитета россиян, радикальных изменений после Великой российской революции, влияния политической «оттепели» середины 1950–1960-х годов на духовно-нравственное состояние советского общества. Автором рассмотрены причины и зарождения оппозиционных настроений, трансформировавшихся в так называемое диссидентское движение.

Ключевые слова: власть, вождизм, государство, диссидентство, идеология, инакомыслие, оппозиция, политика, политическая система, разномыслие

Soviet State and Society: on a Question of Evolution of Opposition in the 1960–1970th Years

Lushin A. I.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; lushin-ai@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

The article analyzes the socio-economic and spiritual-moral characteristics of the relationship between the Russian state and society at various stages of national history, showing their specificity in the so-called Soviet period. The author made an attempt to consider these relations taking into account the specifics of the socio-economic and political development of the state and the mentality of Russians, radical changes after the Great Russian Revolution, the influence of the political «thaw» of the mid-1950s-1960s on the spiritual and moral state of Soviet society. The author examines the causes and origins of oppositional sentiments, transformed into a so-called dissident movement.

Keywords: power, leadership, state, dissidence, ideology, dissent, opposition, politics, political system, dissonance

Одной из актуальных задач современного российского социума является совершенствование функционирования всех структурных элементов политической системы. От ее способности адекватно реагировать на вызовы времени во многом зависит решение проблем, связанных с реформированием институтов демократии. В полной мере это относится и к деятельности государства в сфере отношений с альтернативными официальному курсу организациями и движениями.

Отечественная история свидетельствует о том, что на протяжении многовековой истории существования российского государства имели место как сотрудничество власти и общества, так противоречия между ними, приводящие нередко к социальным конфликтам и конфронтации. Такого рода противостояние неизменно сопут-

ствовало российской государственности на различных этапах ее существования. Обусловленное множеством факторов социально-экономического и политического свойства, оно имеет глубокие исторические корни. Конкретное же их проявление в условиях советского государства рассматривалось, главным образом, через призму догматов о классах и классовых антагонизмах, а также «происками» буржуазной идеологии и пропаганды.

Для современного этапа развития исторического знания характерен отход от идеологических штампов в понимании взаимоотношений между государством и оппозицией. Формирование институтов демократического общества способствует актуализации осмысления проблемы противостояния советского государства и оппозиционных движений, создававших своеобразную атмосферу «единства противоположностей», продиктованных историческими особенностями России, сложившимися здесь уникальными обычаями и традициями.

При исследовании дихотомии «советское государство — оппозиция» следует учитывать ряд важнейших исторических обстоятельств. Во-первых, на эти отношения оказывали значительное воздействие исторические традиции, конфронтация противоборствующих сил, обоюдное нежелание слушать и слышать друг друга, нетерпимость политических сил, их склонность решать проблемы «целиком и сразу», высокая степень персонифицированности политики и особой роли в ней вождизма. Во-вторых, оставаясь на протяжении семи десятилетий силой, стоящей над обществом, советское государство диктовало ему свои «правила игры», представления о смысле жизни и «единственно научную» догматическую модель общественного развития. В-третьих, перманентный прессинг по отношению к несогласным с «генеральной линией партии» порождал адекватное противодействие оппозиционных сил, которые редко шли на компромисс с властью, в чем последняя усматривала лишь признаки их слабости. И, наконец, в-четвертых, власть, слишком поздно начинавшая слушать и слышать голос оппонентов, рано или поздно уходила из истории, по образному выражению Н.Г. Чернышевского, «ошиканной и срамимой», нередко вспоминаемой только в анекдотах и афоризмах. Противостояние государства и оппозиционных сил, государства и общества нередко меняло не только «правила игры», но и приводило к появлению новых форм общественного «существования», формируя в сознании общества и политических элит качественно новые модели социального развития.

Культурно-исторический излом, произошедший в феврале-октябре 1917 г., привел к перерождению советской революционной диктатуры в политический режим, для которого политическая оппозиция оказалась крайне неуместной. Последующие репрессии второй половины 1930-х — начала 1950-х годов, казалось, уничтожили не только какие-либо оппозиционные ростки, но и даже робкие попытки критического анализа «социалистического выбора». Однако борьба за политическое лидерство после смерти Сталина, попытки Н. Хрущева внести незначительные изменения в систему управления, разоблачение культа личности и начало процесса реабилитации жертв политических репрессий вызвали пробуждение свободомыслия. Однако комплекс новаций середины 1950-х — начала 1960-х годов, получивший позднее название «линии XX съезда», породил в обществе сомнения и разочарования в советской модели общественного развития, а политическая элита страны показала свою неспособность избавиться от утопических доктрин, рассчитанных на примитивное «классовое» сознание. Наступившая «оттепель» явилась своего рода «спусковым механизмом» для начала критического осмысления истории страны и ее настоящего.

Важнейшим результатом реформирования и десталинизации в этот период стали изменения в общественном сознании на социально-психологическом и нравственном уровнях. Идеологические новации проявлялись, прежде всего, в образе мыслей и поведении людей, занятых творческим трудом, наиболее активную часть которой позднее стали называть «шестидесятниками», «детьми XX съезда». Их общественная

активность ускорила формирование поколения, наиболее деятельная часть которого выступила против навязываемых обществу политических догм и идеологических стереотипов. Становление оппозиции проходило главным образом в двух направлениях — реформистском (критика сохранявшегося сталинского наследия) и консервативном (попытки ресталинизации и неприятие реформизма, как курса, ведущего к «подрыву основ советского государства»).

В середине 1960-х годов, когда к власти пришло новое поколение руководителей, обязанных своей служебной карьере, прежде всего, «чистке» второй половины 1930-х годов и оформившихся в последующем в «новый господствующий класс», для политической элиты наступил поистине золотой век. Руководство страны все чаще стало использовать в своей деятельности бюрократические приемы, а важнейшие государственные решения принимались узким кругом лиц, состоящим из членов Политбюро и Секретариата ЦК КПСС. Под лозунгом борьбы за «монолитное единство общества» искоренялась любая точка зрения, не совпадающая с «генеральной линией» партии, и ее программными установками.

Новый «правлящий» класс постепенно превращался в замкнутую касту, доступ к «благам коммунизма» для «посторонних» все более ограничивался, проявлялись черты трайбализма и перерастания правящей элиты в наследственную. По мере того как истощались природные ресурсы государства и увеличивалось влияние бюрократии, в соответствии с определением В. О. Ключевского, «государство пухло, а народ хирел»¹. Многие из советских людей, кто раньше мог надеяться на профессиональный успех (а их число, по мере роста образовательного уровня, быстро увеличивалось), часто не находили применения своим способностям и энергии. Поскольку такие важные каналы самореализации личности, как политическая деятельность и предпринимательство, считались преступными, оставались два основных пути: уйти в оппозицию или «теневую» экономику. Место принуждения и страха в таких условиях для определенной части общества постепенно стали занимать конформизм и цинизм. На этой основе политическое руководство вынуждено было заключать своеобразную «сделку» со своими подданными: в обмен на отказ от репрессий оно требовало хотя бы видимости послушания. Весьма точную оценку такой ситуации дал в свое время диссидент и первый президент Чехии В. Гавел в своем эссе «Сила бессильных» вскоре после появления «Хартии 77», заметив, что в условиях авторитарного режима власть «фальсифицирует прошлое и будущее, подтасовывает статистические данные. Притворяется, что уважает права человека. Притворяется, что ни в чем не притворяется».

Важнейшей особенностью периода 1960–1970-х годов было и то, что сложившаяся за сотни лет отечественной истории патриархальная традиция подчинения и послушания власти превращала знания и представления руководителей страны в несомненный критерий официального политического знания. При отсутствии политической оппозиции естественно доминировали навязываемые обществу единомыслие и «всеобщее одобрение» политики советского государства.

Однако в любом обществе, как правило, существуют не только сознательные сторонники официально проводимой политики и индифферентные конформисты, но и несогласные, выступающие против диктата государства и авторитарной политической системы. Примеров альтернативных официальному политическому курсу движений в истории более чем достаточно, и середина 1960 — 1970-х годов в СССР не была в этом смысле исключением.

Системный кризис, охвативший к середине 1960-х годов многие структурные элементы политической системы, а также ограничения на творческую свободу, привели к расширению протеста и эволюции оппозиции. (Вместе с тем стоит под-

¹ Ключевский В. О. Соч. в 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988. С. 12.

черкнуть, что свобода в СССР была, однако, как и в любой другой стране, ограниченной.) Сам этот феномен появился достаточно давно. В XIX в. В. И. Даль толковал понятие «оппозиция» как «...сопротивление, противление»¹. В свою очередь «Большой энциклопедический словарь» трактовал ее как «противодействие, сопротивление: 1. какой-либо политике, чьим-либо взглядам; 2. партия или группа, выступающая вразрез с мнением большинства или с господствующим мнением, выдвигающая альтернативную политику, иной способ решения»².

В период так называемого застоя советскими журналистами из западного политического лексикона был заимствован термин «диссидент», которому в свое время автор «Толкового словаря живого великорусского языка» давал следующее объяснение: «...иноверец или раскольник, вообще, не принимающий господствующего... исповедания»³.

Диссидентами в России, как известно, называли бунтарей, выступающих против различных догматов православной церкви. Однако в этом качестве термин тогда не получил широкого распространения, достаточно было русских синонимов. В конце 1960-х — начале 1970-х годов в советской официальной прессе термин «оппозиция» практически вышел из употребления, а «диссидент» приобрел то специфическое значение, которое вкладывается в него до сих пор. Диссидентами стали называть в СССР людей, открыто выражавших несогласие с общепринятыми нормами и подтверждающих свою позицию определенными действиями. Этому понятию были даны многочисленные трактовки и определения, в том числе лидерами КПСС Л. И. Брежневым, Ю. А. Андроповым, а также составителями различного рода политических словарей и справочников. В них, как правило, представители альтернативных движений и групп квалифицировались как несостоявшиеся в личной жизни и производственной сфере, неудачники, лица, обладавшие неустойчивой психикой, а нередко и оказавшиеся якобы под влиянием своих близких (например, своей жены, академик А. Сахаров) или буржуазной идеологии, антисоветской пропаганды и т. п.

Рассматривая социальную роль и значение оппозиции в жизни советского государства, следует отметить, что цивилизованное общество не может быть полностью гомогенным и представлять собой арену для социальных разногласий. В этой связи лица, выступающие против политики государства, являются продуктами этого общества, причем в такой же степени, как и конформистски настроенные граждане. Политическая оппозиция в странах с демократическими традициями и конституционного права, за исключением форм, принимающих социально опасный характер, существует относительно свободно. Более того, право на ее функционирование вытекает из основных положений либерализма, прежде всего из безусловного признания субъективных прав личности, в том числе и права на собственное видение мира. Реализация этого права происходит в деятельности парламентов, политических партий, общественных организаций и движений, т. е. институтов гражданского общества. В сложившейся ситуации происходит цивилизованная корреляция интересов, проектов, устремлений различных социальных групп, партий, общественных формирований, государства и общества, в целом. Это позволяет, до определенной степени, избегать роста социальной напряженности и обеспечивать плюрализм мнений.

Весьма интересной и продуктивной, в этой связи, является точка зрения петербургского ученого Б. М. Фирсова, предложившего в качестве обозначения всего конгломерата нравственных и идеологических ценностей, противостоящих советскому государству, понятие «разномыслие». Представляется, что оно в определенной мере также отражает специфику явления и очевидно может стать общесоцио-

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978. С. 437.

² Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М., СПб., 1998. С. 845.

³ Даль В. И. Указ. соч. С. 437.

логической категорией. Показательно, что еще С. И. Ожегов рассматривал разномыслие как «несогласие во мнениях, несходство в убеждениях»¹. С ним во многом солидаризируется известный российский исследователь А. В. Шубин, автор целого ряда работ по проблемам инакомыслия и несвободы в СССР.

Представляется, что термин «оппозиция» более предметно отражает сущностное содержание этого феномена. Многие участники оппозиции и диссиденты, в особенности, подчеркивали ее нравственное содержание и они, безусловно, правы, ибо большинство из них, действительно, не стремилось к власти. Однако их выступления или призывы (что квалифицировалось советским уголовным правом как «инакодействие», или «подрыв основ общественного и государственного строя») изменить содержание государственного строя или его составляющих — это политика, что называется, в «чистом виде». Представляется, что совокупность идей и воззрений, противостоящих официальному политическому курсу советского государства, а также конкретная деятельность, направленная на «демократизацию», «улучшение», «совершенствование» социализма, можно квалифицировать как оппозицию. В свою очередь «инакомыслие», как правило, заканчивается за пределами кухни или собственной квартиры, далее, в конкретных проявлениях: организация и участие в антиправительственных демонстрациях, письма протеста в различные, в том числе западные инстанции, передача информации западным СМИ, защита граждан, преступивших советские законы и т. д. квалифицировались советским уголовным правом как «антисоветская деятельность», проявляется уже «инакодействие».

Процесс формирования гражданского общества и многопартийности в современной России, историческая специфика взаимодействия советского государства с оппозицией обуславливают сегодня настоятельную необходимость изучения этой дихотомии. Проблема «советское государство — оппозиция» — это не только негативный опыт относительно недавнего прошлого, но и поиск пути к истине, который наряду с заблуждениями, ошибками, а нередко и преступлениями, принес немало открытий и исторических уроков.

Кроме того, обращение к указанной теме имеет и практическое значение. В Конституции Российской Федерации закреплены многие демократические права и свободы человека, за соблюдение которых боролись оппозиционеры. Однако приходится констатировать, что, несмотря на значительные позитивные изменения, проблемы функционирования оппозиционных партий и движений (как сегодня принято говорить системной и несистемной оппозиции) в современной России и механизм их взаимодействия с государством требуют дальнейшего совершенствования. На этом пути предстоит еще немало потрудиться как государству, так собственно и самой оппозиции. В этой связи история такого рода взаимоотношений представляет большой научный и практический интерес в целях взаимодействия «вертикали власти» и оппозиционных партий, деятельности Общественной палаты, Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека и других общественных формирований, играющих все более возрастающую роль в жизни российского общества.

Об авторе:

Лушин Александр Иванович, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук; lushin-ai@sziu.ranepa.ru

About the author:

Aleksandr I. Lushin, Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History); lushin-ai@sziu.ranepa.ru

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка: около 53 000 слов. М., 2004. С. 846.